

Его улыбка вызывала такое волнение, что у неё перехватило дыхание, а в душе поселилась легкая паника.

Е Иньчэнь подался вперед, и одним движением, не встретив особого сопротивления, повалил её на диван.

— Я всё слышал, что ты говорила только что.

— Не наваливайся на меня, мне неудобно!

— Ничего страшного. Давай ты будешь сверху. — Он обнял её за талию и перевернулся так, что теперь она оказалась над ним. — Так удобнее?

— Е Иньчэнь, прекрати дурачиться!

— Я не дурачусь. Просто хочу задать тебе вопрос.

— Какой вопрос? Неужели нельзя было спросить, просто сидя рядом? — Хотя оба были полностью одеты, такая близость заставляла её чувствовать себя крайне неловко. Она никогда прежде не была настолько близка с парнем.

— Сидя тоже можно, конечно.

— Ну так вставай скорее.

— Но мне нравится, когда ты вот так прижимаешь меня к себе, пока мы разговариваем. Разве не считаешь, что такой разговор лучше всего способствует сближению?

— Конечно, не считаю. Я знаю только... Эй, что ты делаешь? Перестань, не трогай мои ноги! — Су Моин больше всего на свете боялась щекотки, а этот наглец начал выводить круги пальцами по её икрам, заставляя её выгнуться дугой.

Однако в их нынешнем положении это движение было невероятно опасным.

Почувствовав, как она навалилась на него, Е Иньчэнь мгновенно ощутил жар внизу живота. Он нахмурился, и его щеки слегка покраснели:

— Прошу, не делай таких резких движений. Если я не сдержусь и что-нибудь сделаю, виновата будешь только ты.

— Ты сам этого хотел, так что за всё, что произойдет, отвечать тоже тебе, — выпалила Су Моин

в сердцах, совершенно не задумываясь о том, что именно она только что сказала.

Но Е Иньчэнь, услышав это, просиял:

— Раз я должен отвечать, значит, буду отвечать. Что бы ни случилось, я буду нести за тебя ответственность до конца. Малышка, раз уж твоя подруга всё равно уже решила, что мы сожительствоуем, почему бы нам действительно не перейти к делу? Хотя оправдаем все их догадки.

— Нет... — Су Моин крепко прижала его к дивану, не давая подняться, и, чтобы отвлечь его, поспешно сменила тему: — Что именно ты слышал из моих слов? Даю тебе шанс, говори.

— Хорошо, раз уж моя малышка так искренне жаждет услышать это от меня, придется удовлетворить твою просьбу. Ты сказала подруге, что как бы сильно она ни любила парня, не стоит показывать это первой — нужно сперва проверить, действительно ли он любит её в ответ. Скажи, а сама ты думаешь так же?

— Что ты имеешь в виду?

— Всё просто. Твоя показная холодность и переменчивое отношение ко мне объясняются тем, что ты на самом деле любишь меня, но из-за желания проверить искренность моих чувств намеренно держишься на расстоянии. Я прав? — Е Иньчэнь склонил голову набок, глядя на неё с непоколебимой уверенностью. Он был абсолютно уверен в своих выводах.

И, по правде говоря, так оно и было.

Су Моин любила его, но врожденная женская осторожность и подозрительность заставляли её останавливаться на пороге счастья.

— Не пытайся вытянуть из меня признание, я ничего не скажу.

— Малышка, мне не нужен твой ответ, я и так его знаю. Вчера ты согласилась признать меня своим женихом — это лучшее доказательство. Ни одна девушка не станет обещать что-либо мужчине, к которому не испытывает абсолютно ничего.

Су Моин плотно сжала губы.

В его словах была доля истины, но она ни за что не признается в этом вслух.

— Что за запах? — По комнате потянуло гарью.

Она приняхалась, вскочила с него и бросилась на кухню:

— Моя еда горит!

...

На обеденном столе стояли одна тарелка и одна миска: подгоревшая до черноты рыба и суп с плавающими в нем кусочками водорослей.

— Ты этим собираешься меня угостить? — Е Иньчэнь не то чтобы был привередлив, но от одного вида этих блюд пропадал аппетит. — Подгоревший белок вызывает рак!

— И кого ты винишь? Если бы ты не допрашивал меня, как преступника, рыба бы не сгорела!

— А нельзя было приготовить заново?

— Я тебе не служанка, с какой стати мне прислуживать? Ешь, что дают, или не ешь вовсе! — Су Моин была неприхотлива в еде: насыпала себе миску риса, добавила немного супа и с удовольствием принялась за обед.

А вот Е Иньчэнь так не мог. Она ела с таким аппетитом, что у него самого проснулся зверский голод. Но ведь она права: с какой стати ей готовить для него? Женщин нужно баловать, а не заставлять прислуживать, как горничных!

Бедняге оставалось лишь сглотнуть слюну и уныло сидеть в сторонке.

Су Моин быстро расправилась с миской риса, погладила живот и довольно вытерла рот салфеткой:

— Есть будешь?

— Нет!

— Точно не будешь?

— Нет! — ответил Е Иньчэнь, в глубине души лелея крошечную надежду: неужели она наконец пожалела его и собирается приготовить что-то поесть?

Но реальность оказалась совсем другой. Су Моин пожала плечами:

- Не хочешь — как хочешь. С твоим-то здоровьем и три дня без еды продержаться — пустяки.
- Сказав это, она бодро принялась убирать посуду.

Выйдя из кухни после мытья посуды, Су Моин с изумлением обнаружила, что все её запасы снеков, припрятанные под кроватью, вывалены на диван, а посреди этой горы лежит Е Иньчэнь. В руке он держал её любимые чипсы со вкусом огурца и с аппетитом ими хрустел.

- Что ты творишь? Кто разрешил трогать мои вещи?

- Подумаешь, пара пачек снеков. При наших-то отношениях ты не станешь мелочиться.

- Еще как стану! У нас с тобой вообще никаких отношений нет, так что я буду очень даже мелочиться.

- Малышка, ты всегда говоришь одно, а думаешь другое. Ладно, не злись, завтра куплю тебе целый грузовик.

- Грузовик? Ты серьезно? Если за несколько пачек снеков можно получить целый грузовик, как я могу отказаться?

- Конечно, всерьез. — Лишь бы она была довольна — если потребуется, он купит даже целую компанию по производству этих снеков.

- Насколько большой грузовик? Надеюсь, не игрушечный?

- Насколько хочешь, настолько и будет!

- Мне нужен контейнеровоз, с двадцатью с лишним колесами.

- Хорошо, без проблем.

Су Моин просияла, и на лице её расцвела радостная улыбка. Она схватила пачку снеков, надорвала её и протянула ему:

- Попробуй вот эти, этот вкус тоже ничего.

- Хорошо. — Е Иньчэнь с наслаждением принимал её заботу. — М-м, и правда вкусно.

- Конечно! Так что завтра обязательно купи побольше именно с этим вкусом!

— ... — Ему казалось, что она проявила к нему внимание, но оказалось... в этом и был весь её умысел. — Можешь составить список, написать всё, что любишь, чтобы я мог распорядиться о закупке.

— А вот это — отличная идея!

Утро прошло как обычно.

Тревога на душе Су Моин постепенно улеглась.

Возможно, Бай Шэнхуэй уже давно забыл о споре с ними. Такой человек, как он, всегда действует из корыстных побуждений, а изгнание Е Иньчэня и его друзей из Старшей школы Лоин ничего ему не принесет.

Впрочем... было немного обидно, что не удалось увидеть, как Бай Шэнхуэй опозорится. В конце концов, это он причинил ей боль и заставил так опозориться перед одноклассниками, так что желание увидеть его в беде было вполне естественным.

Как оказалось, Е Иньчэнь не собирался разочаровывать свою возлюбленную, как, впрочем, и Бай Шэнхуэй.

За пять минут до конца последнего утреннего урока по школьному радио раздался голос:

— Всем ученикам и учителям, отложите ручки и послушайте. Думаю, многие уже слышали, что три дня назад я, Бай Шэнхуэй, заключил пари с тремя новичками — Е Иньчэнем, Лань Юйфэном и Ань Сюцзе. Условие было таким: если я за три дня — а сегодня последний срок — смогу добиться их исключения из школы, они должны будут на коленях покинуть Лоин.

— А если не сможешь? — вслед за этим раздался насмешливый голос, в котором легко угадывался Лань Юйфэн. — Раз уж это пари, цена должна быть для обеих сторон. Ты сказал, что будет с нами, если мы проиграем, но умолчал, что ждет тебя. Что, боишься сказать? Или планируешь соскочить, если проиграешь?

— ... — Хотя выражения лица Бай Шэнхуэя не было видно, по его прерывистому дыханию стало понятно, что он в ярости. — Если я проиграю, я разденусь догола и пробегу три тысячи метров по стадиону!

— Отлично, все слышали? После уроков не бегите в столовую, собираемся на стадионе. Не забудьте взять телефоны с камерами. Конечно, будет еще лучше, если у кого-то найдется профессиональный фотоаппарат!

— Лань Юйфэн, просто ждите своего позора. Заголовок «Три молодых господина на коленях покидают Лоин» точно привлечет внимание.

— Ха-ха... Бай Шэнхуэй, я восхищаюсь твоим оптимизмом, но... твоя судьба — бег голышом — уже предрешена!

— Тогда ждем объявления директора.

До конца перемены оставалась минута, но школа уже стояла на ушах — было куда шумнее, чем на обычном перерыве.

Учителя не пытались навести порядок, так как сами с нетерпением ждали развязки. Кто бы ни победил, для Старшей школы Лоин это событие станет историческим!

Наконец прозвенел звонок, но в нем уже не было нужды: толпы учеников хлынули из классов прямо на стадион.

Всех удивило, что директор уже стоял на трибуне, и вид у него был крайне удрученный.

— Что с этим лысым? У него кто-то умер?

— Похоже на то.

— Интересно, кто же оказался круче?

— Я камеру уже давно приготовил, когда они объявят результат?

— Всем тихо! — В шуме и гаме Бай Шэнхуэй с выпрямленной спиной и торжествующим видом поднялся на трибуну и потряс листом бумаги перед многолюдной толпой: — Это экстренное решение совета директоров, принятое сегодня утром. Прошу директора огласить его.

Лысый директор без сил взял бумагу, молча поднял глаза и посмотрел на трех парней и девушку, стоявших в отдалении под деревом, и безнадежно вздохнул.

Он всего лишь скромный директор, почему его втянули в эту жестокую борьбу богатых кланов, где не стреляют, но ранят больше всего?

Ему оставалось всего пара лет до пенсии! А после сегодняшнего дня он лишится работы, и все пенсионные выплаты пойдут прахом.

— Согласно решению совета директоров школы, следующие ученики: Е Инчэнь, Лань Юйфэн и Ань Сюэзе исключаются за запугивание одноклассников, драки и недостойное поведение. Уведомление вступает в силу немедленно.

...

— Эй, вас же исключили, почему вы никак не реагируете? — прошептала Су Моин, стоя рядом с парнями. Она думала, что они в шоке от такого удара.

Ань Сюцзе, невозмутимый и такой же хладнокровный, как всегда, прислонился к дереву и сухо бросил:

— Не мое дело.

— В смысле не твое дело? Разве тебя зовут не Ань Сюцзе?

— Су, ты не поняла, что имеет в виду Цзе. Он говорит, что это не его дело, потому что кому-то есть до этого дело, и ему нет нужды вмешиваться.

— Кому-то есть дело? Кому?

— Разве это не очевидно? Не мне, не Цзе... Как думаешь, кому? Е, какую глупую девушку ты себе нашел! Советую тебе еще раз всё обдумать, это же вопрос интеллекта следующего поколения.

— Сам ты глупый! — возмущенно огрызнулась Су Моин. Этот Лань Юйфэн ужасно раздражал — вечно цеплялся к ней. Неужели он не может прожить и дня, не споря с ней?!

— Ой, тебе говорят, что ты глупая, а ты даже признать не хочешь! Глупая женщина! Глупая женщина!

— Да ты... — Су Моин замахнулась, чтобы ударить его, но Е Иньчэнь мягко удержал её: — Ну всё, малышка, девочки должны быть нежными, драться — это некрасиво.

— Но он обижает меня!

— Ладно-ладно, такие воспитательные меры предоставь мне, как твоему жениху. — Е Иньчэнь поманил Лань Юйфэна пальцем: — Сяо Фэн-фэн...

От этого «Сяо Фэн-фэн» у Лань Юйфэна душа ушла в пятки:

— Е, не надо так! Неужели ты готов пожертвовать дружбой ради девицы?

— Извини, но я предпочитаю именно так. Говори: будешь извиняться сам или мне приложить руку?

Вот же подлец!

Попав в такую переделку с таким братом, Лань Юйфэн мог только признать поражение:

— Ну зачем же беспокоить самого молодого господина Е из-за такой мелочи! Прости, Су, я просто шутил. Будь великодушной, не держи зла.

— Так я глупая или ты?

— Конечно, я! У меня с головой не в порядке!

— Хм, то-то же! — Су Моин тут же задрала нос, став невероятно довольной.

— Довольна? — Е Иньчэнь ласково растрепал ей волосы. — Ну и ребенок ты всё-таки!

— Е Иньчэнь, Лань Юйфэн, Ань Сюцзе, вы исключены, немедленно выполняйте обещание! — взбешенно прокричал с трибуны Бай Шэнхуэй. Стоя на возвышении, он прекрасно видел каждое их движение. В такой момент они всё еще продолжали хихикать и перешучиваться, что приводило его в бешенство.

— Что теперь? Вы правда собираетесь уходить из Лоин на коленях? — обеспокоенно спросила Су Моин. Такие гордые парни наверняка не вынесут подобного унижения!

— Малышка, не хочешь, чтобы мы уходили? — Е Иньчэнь с усмешкой посмотрел на неё.

— Ты... время такое, а ты шутишь! — Су Моин сжала кулачки и изо всех сил ударила его в плечо. — Будь серьезнее, пожалуйста.

— Ладно, ладно, я понял, что ты не хочешь, чтобы я уходил, поэтому я обязательно останусь. — Он бережно взял её лицо в ладони, словно самое ценное сокровище в мире, и оставил на её лбу торжественный поцелуй. — Послушно жди меня здесь, я быстро.

— Хорошо. — Его голос звучал так уверенно, а в глазах читалась полная победа, что Су Моин больше не сомневалась и решительно кивнула.

Е Иньчэнь щелкнул пальцами, повернулся и сделал шаг, зашагав к трибуне с невероятной грацией.

Все взгляды учителей и учеников были прикованы к нему — в них смешались догадки и ожидание.

— Е Иньчэнь, зачем ты поднялся сюда? Пытаешься потянуть время? — Бай Шэнхуэй, считавший себя победителем, громко задал вопрос.

— Разумеется, нет. — У Е Иньчэня было врожденное благородство, поэтому ему не нужно было кричать, чтобы подавить противника своим авторитетом. Они стояли на трибуне плечом к плечу: один — благородный принц, другой — лишь жалкий шут.

— Тогда почему ты до сих пор не встал на колени?!

— С чего бы это мне вставать на колени?

— Ты проиграл пари, хочешь нарушить обещание?

— Кто сказал, что я проиграл? — Е Иньчэнь грациозно поднял руку, сжимая пульт, и слегка нажал на кнопку, направив его на огромный экран на краю стадиона. Экран загорелся, картинка стала четкой: на нем транслировались новости, и стандартный, полный энтузиазма голос диктора заполнил уши всех присутствующих: «Гордость среди средних школ — Старшая школа Лоин сегодня утром была полностью выкуплена концерном Юнь. По словам председателя совета директоров концерна Юнь, господина Юня, покупка школы была совершена исключительно ради того, чтобы порадовать его внука, и в будущем все акции будут переписаны на его имя. Надеемся, что, встав на скоростной поезд финансовой группы Юнь, школа Лоин будет развиваться еще стремительнее! Давайте ждать перемен вместе!»

Концерн Юнь — крупнейшая финансовая группа в мире, владеющая бесчисленным множеством предприятий и дочерних компаний. Родители многих учеников-аристократов сами работали в структурах концерна Юнь на позициях менеджеров или президентов дочерних фирм, поэтому они были прекрасно осведомлены, кто это такие.

Но как покупка школы концерном Юнь связана с сегодняшним днем? Любопытство людей разгоралось всё сильнее.

— Е Иньчэнь, что ты задумал? — Утром совет директоров еще заседал, но прошло всего полдня, а школа Лоин уже полностью выкуплена. Это и вправду было неожиданно. — Но чьи бы акции ни были, факт твоего исключения остается неизменным.

— Но-но-но! — Е Иньчэнь улыбнулся и покачал указательным пальцем. — Неужели ты не слышал слов председателя Юня? Он сказал, что передаст все акции своему внуку.

— И какое отношение это имеет к тебе? — Бай Шэнхуэй давно посылал людей разузнать всё про Е Иньчэня, но, кроме того, что его отца зовут Е Лан, а мать — Юнь Лань, он ничего не узнал... погоди, мать Юнь Лань... финансовая группа Юнь...

Бай Шэнхуэй застыл:

— Ты... ты и есть...

— Ха-ха... Вижу, ты догадался! Всё верно, председатель Юнь — мой дедушка.

Дедушка!

Эта фраза, сказанная так небрежно, для Бай Шэнхуэя прозвучала как гром среди ясного неба.

Спустя долгое время он пришел в себя и закричал:

— Не... невозможно! Ты врешь! Это наверняка ты врешь!

Столкнувшись с его воплями, Е Иньчэнь с благородством проигнорировал его выходку. Он подошел к лысому директору и передал ему документ:

— Директор, я, как высшее руководство школы, объявляю решение об исключении недействительным. Как думаете, это допустимо?

Директор взглянул на документ — это был договор о передаче акций, подтверждающий, что слова Е Иньчэня — чистая правда.

— Допустимо, конечно, допустимо! — Если школа стала частной собственностью молодого господина Е, то его самого не уволят. А если школа теперь под крылом концерна Юнь, то после выхода на пенсию он получит еще больше выплат.

О-хо-хо, казалось, выход найден там, где его не было!

— О-о-о... — Стадион взорвался.

Все знали, что статус молодого господина Е необычен, но никто и подумать не мог, что он внук старого председателя Юня. У председателя Юня была только одна дочь, а у той — единственный сын. Когда старик когда-нибудь отойдет в мир иной, всё состояние достанется этому внуку!

<http://bllate.org/book/21949/2280605>